

* * *

Гудели на Мещанской тихой
Воскресные колокола,
Москва казалась страусихой,
Что возле Яузы легла.

От этих декадентских бредней
Ярился критик-ретроград.
В Кремле венчался царь последний,
Не отменялся маскарад.

С народниками в поединке
Писал Плеханов, цепь телег
Тянулась с гибельной Ходынки,
Кончался вечеревший век.

Двадцатый шел ему на смену,
И в ожидании похвал
Свой русский перевод Верлену
Подросток Брюсов посылал.

* * *

И вдоль сараев и коровников
Меня почтительно и чинно
Везли, объехав саклю кровников,
Где подрастал уже мужчина.

Чернеющее, стерегущее
Все чудилось в дороге дуло,
Когда мы пробирались пущею
К обломкам древнего аула.

Там гасла пестрота фазанья
И прерывался лес осенний,
И с эпизодами сказания
Смешались были выселенья.

Поведаешь ли, как печальное,
И горделивое, и злое
Шло угошенье поминальное,
Переселявшее в былое!

Как тамада перед рыдальцами
Свой начинал рассказ гортанный,
Рукой с отстрелянными пальцами
На время придержав стаканы.

В ПЕРЕДЕЛКИНЕ

И вот оно, минувшее,
С которым спор несносен,
Среди кустов уснувшее
Под сенью старых сосен.

Нежданно став соседями,
Зимуют здесь наставники,
И бродит в тусклом бредеве
Дымок прощаний давненьких.

Звонки неугомонные,
Будившие так звонко,
И речи телефонные...
Но где хранится пленка?

Все исчерпалось дочиста,
Остались без призора
Молчанье одиночества
И жажда разговора.